

УДК 159.9.072

НЕОСВЕДОМЛЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ О СТОЛКНОВЕНИИ ПОДРОСТКОВ С РИСКАМИ В ИНТЕРНЕТЕ: СОДЕРЖАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ¹

© 2019 г. Г.У. Солдатова^{1,*}, Е.И. Рассказова^{1,2,**}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, 11/9, Россия.

² Научный центр психического здоровья; 115522, г. Москва, Каширское шоссе, 34, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии.
E-mail: soldatova.galina@gmail.com

** Кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии.
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Поступила 30.09.2017

Аннотация. Одна из ключевых причин столкновения подростков с онлайн-рисками и последующих трудностей заключается в дефиците своевременной профилактики и помощи со стороны взрослых. Цель работы — выявление психологических факторов (стратегий родительской медиации, деятельности онлайн и представлений подростков), сопряженных с неосведомленностью родителей о столкновении их детей-подростков с онлайн-рисками. На основе анализа данных двух российских популяционных исследований (1025 пар “родитель—ребенок 9–16 лет”; 1203 подростков 12–17 лет и 1209 родителей детей этого возраста) показано, что более 20% родителей пребывает в неведении о том, что их ребенок столкнулся в Интернете с чем-то, что обеспокоило его. Рассматриваются три группы факторов неосведомленности. Во-первых, природа рисков: чаще родители не знают о проблемах, которые инициировали сами дети (кибербуллинг в отношении других, личных встречах с онлайн-знакомыми) или которые сопряжены со стыдом или смущением (кибербуллинг в отношении самого подростка, получение сообщений сексуального характера). Во-вторых, к общим факторам относятся признаки девиантного поведения у подростков (но не беспокойство родителей по поводу девиантного поведения или безопасности их детей). В-третьих, к числу специфических факторов относятся: чрезмерное пользование Интернетом, большая уверенность детей, более высокий уровень знаний и навыков в Интернете, особенно в сфере общения при низкой мотивации ее улучшения и более широкий круг их онлайн-активности. Вероятность сокрытия от родителей большинства рисков выше, если родители меньше объясняют и участвуют в онлайн-деятельности ребенка, особенно если не разговаривают с ним об Интернете. Запреты и ограничения, по всей видимости, способствуют более ответственному поведению подростков (снижая вероятность незнания родителей о личных встречах с онлайн-знакомыми, кибербуллинге в отношении других), но могут провоцировать утаивание распространенных рисков (просмотр изображений сексуального характера).

Ключевые слова: риски онлайн, подростки, неосведомленность родителей, деятельность онлайн, родительская медиация, Дети России онлайн, цифровая компетентность.

DOI: 10.31857/S020595920002251-2

Ситуация развития современного ребенка и подростка — это прежде всего социальная ситуация [2; 5; 8], особенности которой решающим образом определяют направление, содержание и ха-

актер его развития (Л.И. Божович, В.В. Давыдов, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин, Д.И. Фельдштейн, О.А. Карабанова и др.). В современном мире эта ситуация трансформируется [7], вмещающая новое пространство детской социализации — Интернет [1; 9], пространство, сочетающее как новые, почти безграничные возможности, так и новые риски [18].

¹ Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-06-00762.

В мире, где подросток даже в будни проводит онлайн не менее 4–5 часов (а в выходные эти показатели нарастают), выглядит вполне обоснованным расширение теории экологических систем У. Бронфенбреннера [13], рассматривающей влияние окружающей среды на психическое развитие индивида через призму взаимодействующих и как бы “вложенных” друг в друга систем, за счет включения в нее новой — техносистемы [17]. Однако такое расширение требует и нового осмысления: что меняется в других системах с появлением столь мощной зоны социализации и как они взаимодействуют с этой зоной? В частности, могут ли детско-родительские отношения, отношения в семье [3] выступить опорой для ребенка и подростка в цифровом мире и будет ли эта опора той же, что и в пространстве непосредственного межличностного общения?

Исследователи в психологии развития относят изменения во взаимоотношениях родителей и ребенка на счет современных тенденций: избегание запретов и наказаний на фоне чрезмерных поощрений и опеки [7]. Связаны ли эти изменения с цифровым вектором социализации сегодняшних подростков? В частности, действительно ли можно, вслед за одним из отчетов Американской психологической ассоциации, утверждать, что в связи с бурным использованием технологий семья перестает играть центральную роль в регуляции поведения подростков, в формировании правил, норм и ценностей [16]?

Один из первых возможных шагов в поиске ответов на эти вопросы — исследование психологического содержания общения детей и родителей по поводу Интернета, возможностей родительской медиации онлайн-деятельности и столкновения с онлайн-рисками их детей. В данной работе предлагается исследование такого общения на примере феномена неосведомленности родителей о цифровой жизни их ребенка. Под неосведомленностью подразумевается особое качество детско-родительских отношений, проявляющееся в расхождении детей и родителей в ответах о событиях, действиях и переживаниях друг друга.

В рамках проекта *EU Kids Online*, где исследовались пары родитель—ребенок, было показано, что представления родителей нередко расходятся с мнением их детей; этот феномен характерен для разных европейских стран. Например, на вопросы о применении родителями стратегий активной помощи подросткам онлайн и проверок каждый четвертый родитель отвечает не так, как его ребенок, на вопросы об ограничениях и техническом контроле — каждый седьмой [18]. В России несогласованность в ответах об ограничениях и техническом контроле сходна со странами Европы, а об актив-

ной медиации и мониторинге — превышает эти показатели: так, мнение об активной медиации и мониторинге не совпадает у родителей и подростков в одном случае из трех—четырех [21]. Недавнее исследование триад “отец—мать—подросток” указывает на частое незнание родителей не только о том, с какими рисками встречаются их дети онлайн, но и об их деятельности онлайн в целом [23].

Неосведомленность, как низкая информированность родителей об их детях-подростках, часто является проявлением общих трудностей в детско-родительских отношениях [3] и претерпевает существенные изменения по мере развития ребенка. Подростковый возраст представляет немало оснований для таких изменений: созревание в пубертате, переход от младшего к среднему и затем старшему школьному возрасту с соответствующими трансформациями в деятельности, социальных ролях, а также социальных и родительских требованиях.

Означает ли это, что недопонимание между родителями и детьми является зеркальным отображением трудностей в их отношениях, в том числе проявлением определенного этапа возрастного развития; а столкновение с онлайн-рисками — следствием общих трудностей или признаков девиантного поведения у ребенка? Возможно, в детско-родительских отношениях по поводу Интернета есть особенности, не сводимые к жизни подростка оффлайн? Возможно, что какие-то угрозы Интернета менее знакомы или недооцениваются родителями, порождая зону молчания между ними и подростком и не давая вмешаться и помочь. Более того, возможности создания альтернативной онлайн-идентичности [4], возможности персонализации, открываемые информационными технологиями [22], усиливая разницу между поведением подростка онлайн и оффлайн, могут дополнительно усугублять ситуацию, когда родители не ожидают и не подозревают, что с их ребенком может происходить что-то плохое. Ряд исследований свидетельствуют о том, что шаг детей к технологиям одновременно может быть шагом от семьи, которая перестает выступать единственным и ведущим регулятором ценностей человека (см. [16]), что неминуемо сопряжено с большим непониманием. Согласно эмпирическим данным [23], осведомленность родителей связана с применением стратегий мониторинга, а для матерей — с более открытым обсуждением деятельности подростков онлайн. В свою очередь, более открытое обсуждение сопряжено с более низкой вероятностью некоторых рисков [20], например раскрытия подростками личной информации в Интернете [19]. При более теплых отношениях с родителями и активной медиации у подростков ниже риск кибербуллинга как в роли жертвы, так и в роли преследователя, тогда как связь с ограничениями и мониторингом слабее [14].

Цель данной работы — исследование феномена неосведомленности родителей о столкновении их детей-подростков с онлайн-рисками, а также выявление психологических факторов (стратегий родительской медиации, деятельности онлайн и представлений подростков), сопряженных с большим риском этого неведения.

Выдвигались следующие *гипотезы*:

1. Ответы подростков и их родителей о столкновении первых с онлайн-рисками несогласованы; при этом доминирует ситуация, когда родитель не знает и отрицает столкновение ребенка с онлайн-рисками. Наиболее часто не знают родители о рисках, спровоцированных самими подростками и/или вызывающими у них стыд и смущение: кибербуллинг, получение сексуальных сообщений, злоупотребление личной информацией.

2. Неосведомленность родителей о столкновении детей с онлайн-рисками сопряжена с более редким использованием стратегий объяснений и ограничений, представлением подростков, что действия родителей им не помогают, что они знают об Интернете больше, чем их родители, а также более широким кругом деятельности онлайн.

МЕТОДИКА

Использовались данные двух популяционных исследований: онлайн-безопасности детей и цифровой компетентности. Хотя оба исследования не являются новыми (2010 и 2013 года), в силу своего популяционного характера они предлагают обширный материал для поиска психологических факторов неосведомленности, отвечая не столько задаче описания современной распространенности феномена (которая могла измениться за прошедшие 5–8 лет), сколько задаче понимания феномена (психологические механизмы которого не только не описаны ранее, но и вряд ли могут измениться за десятилетие).

Исследование онлайн-безопасности детей проводилось в 2010 году на основе методологии проекта *EU Kids Online* [18] и охватило 1025 пар “родитель—ребенок 9–16 лет” из 11 регионов России: 206 мальчиков 9–12 лет, 244 девочки 9–12 лет, 262 юноши 13–16 лет и 313 девушек 13–16 лет. Доминирующий возраст родителей — 30–45 лет.

В данном исследовании использовались следующие методики:

Диагностика пользовательской активности и деятельности онлайн. Для оценки пользовательской активности использовалось три пункта, посвященных частоте и длительности пользования Интернетом. Кластерный анализ позволил выявить три группы подростков с разными типами деятель-

ности в Интернете: “ботаники” (в учебных целях и для оффлайн общения), “потребители онлайн-контента” (все виды деятельности, кроме игровой активности), “универсалы” (все виды деятельности, включая игровую).

Диагностика родительской медиации проводилась в соответствии с методологией *EU Kids Online*; в российских исследованиях [11] выделено три надежных шкалы: объяснений и совместной деятельности, ограничений и запретов, мониторинга и проверок.

Оценка онлайн-рисков и способов совладания с ними. Для общей оценки знания о риске детям задавался вопрос: “Есть ли в Интернете что-либо плохое для человека примерно твоего возраста?”. Кроме того, оценивались чрезмерное пользование Интернетом (симптомы отмены, потеря контроля, “замена” реальности, альфа Кронбаха 0.76), а также опыт столкновения с онлайн-рисками (см. табл. 1), эмоциональная реакция и способы совладания с ними².

Дополнительные вопросы были направлены на диагностику беспокойства родителей по поводу поведения ребенка в Интернете, девиантного поведения ребенка и его безопасности (альфа Кронбаха 0.61, 0.62 и 0.61), признаков девиантного поведения у ребенка (например, “Выпил(а) столько алкоголя, что был(а) действительно пьяным(ой)”, альфа Кронбаха 0.62), уверенности ребенка и родителя в себе как пользователей, отношения к помощи и вмешательству родителя в онлайн-активность ребенка, уверенности ребенка в том, что родитель в курсе или не в курсе того, что он делает в Интернете.

Исследование цифровой компетентности проводилось в 2013 году [9] по многоступенчатым стратифицированным репрезентативным выборкам. Опрашивались подростки в возрасте 12–17 лет и родители, имеющие детей 12–17-летнего возраста, проживающие в 58 городах России (45 регионов) с населением от 100 тысяч человек и более. Всего было опрошено 1203 подростка: 300 мальчиков в возрасте 12–14 лет, 296 девочек в возрасте 12–14 лет, 304 юноши в возрасте 15–17 лет, 303 девушки в возрасте 15–17 лет, а также 1209 родителей подростков того же возраста (69% женщин, доминирующий возраст — 35–44 года).

Пользовательская активность, уверенность в себе как пользователя, представления о том, насколько родители в курсе того, чем подросток занимается онлайн, оценивались тем же способом. Родительская медиация оценивалась при помощи

² На вопросы этого блока, посвященные сексуальному и негативному контенту, а также мошенничествам, отвечали только подростки 11–16 лет.

12 вопросов, отобранных из исследования безопасности детей онлайн и немного переформулированных.

Оценка знания родителей об онлайн-рисках. Поскольку в исследовании 2013 года родители и подростки представляли не пары, а две отдельные выборки, напрямую оценить расхождение между их мнениями было невозможно. Однако после ответов на вопросы о столкновении с онлайн-рисками подростков спрашивали: “Знали ли твои родители, что ты сталкивался с этими проблемами, и если да, что они делали в этой ситуации?”. Ответ “Они не знали об этих случаях” использовался как свидетельство того, что ребенок столкнулся с чем-то, о чем не знал родитель.

Цифровая компетентность измерялась при помощи авторской методики [9], позволяющий оценить уровень знаний (10 пунктов), умений (25 пунктов), мотивации (10 пунктов) и ответственности (11 пунктов) в четырех сферах (работы с контентом, коммуникации, техносфере и потреблении).

Обработка данных проводилась в программе *SPSS Statistics 23.0*. Учитывая большой объем выборки, методы проверки нулевой гипотезы дополнялись оценкой величины статистического эффекта [15].

Учитывая, что неосведомленность в отношении детей и родителей существенно зависит от возраста детей, фактор возраста был во всех случаях включен в анализ данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Знание родителей о столкновении детей с онлайн-рисками

По данным исследования 2010 года, согласованность ответов родителей и детей крайне низка: ни в одном случае каппа Коэна не превышает 0.30. Каждый пятый родитель не знает о том, что его ребенок сталкивался за последний год с чем-либо в Интернете, что обеспокоило или расстроило его. Особенно часто родители не знают о том, что их дети лично встречались с Интернет-знакомыми, сталкивались с сексуальным и негативным контентом, подвергали кого-то или сами подвергались унижительному или оскорбительному общению в Интернете. Нужно отметить, что по данным 2013 года, ситуация еще более настораживающая: каждый третий (36.4%) подросток сказал, что родители не знали о проблемах, с которыми он столкнулся в Интернете.

Дополнительный показатель позволяет более четко очертить ситуацию (табл. 1): если ребенок все-таки столкнулся с онлайн-риском, насколько часто родители узнают об этом (сензитивность

ответов родителей)? Лишь в двух случаях родители довольно часто узнают о случившемся: если речь идет о вирусе на компьютере и о столкновении с изображениями сексуального характера. В отношении большинства онлайн-рисков: злоупотребления личной информацией, сообщений сексуального характера, личных встреч с Интернет-знакомыми, негативного контента — лишь один родитель из трех-четырех может рассчитывать на откровенность. Практически никогда родители не осведомлены о том, что их дети рассылают сообщения сексуального характера, подвергают кого-то кибербуллингу, посещают сайты, призывающие к вредному для здоровья пищевому поведению.

Поскольку с практической точки зрения наиболее опасна ситуация, когда ребенок сталкивался с онлайн-риском, а его родители пребывают в неведении, далее мы сравнивали именно эту подгруппу подростков со всеми остальными случаями, когда родители знают о столкновении подростка с рисками, и случаями, когда подростки не сталкивались с ними вовсе. В среднем дети скрывают от родителей столкновение с двумя-тремя рисками (среднее 2.34 ± 3.09 , альфа Кронбаха 0.69), и это количество не зависит от пола и возраста детей.

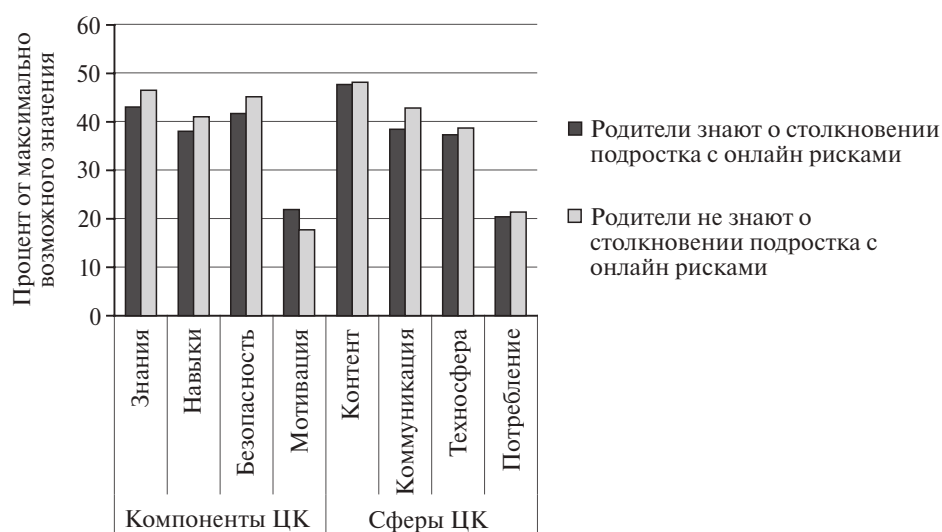
Связь общей неосведомленности родителей с деятельностью онлайн, признаками девиантного поведения, цифровой компетентностью и стратегиями родительской медиации

Чаще скрывают от родителей, что столкнулись с чем-то расстроившим их в Интернете, дети, которые больше времени проводят онлайн, с признаками чрезмерного пользования и девиантного поведения ($t = -3.32 - -2.51, p < 0.05, \eta^2 = 0.01-0.07$), а также те, кому родители реже объясняют, с какими рисками и как справиться в Интернете ($t = 2.16, p < 0.05, \eta^2 = 0.01$), реже поощряют к самостоятельному исследованию Интернета ($\chi^2 = 8.40, p < 0.01, Cramer's V = 0.13$). При этом беспокойство родителей по поводу девиантного поведения, опасностей, с которыми может столкнуться ребенок, и по поводу его поведения в Интернете не связано с тем, скрывает что-то ребенок или нет. Не связана с ним и готовность ребенка обращаться к родителям за помощью, если он чем-то обеспокоен. По данным исследования 2013 года связи неведения родителей с пользовательской активностью не выявлено.

Родители чаще не знают о столкновении их детей с онлайн-рисками (рис. 1) при более высоком уровне знаний и навыков подростков в цифровом мире, более высоком уровне компетентности в сфере коммуникации ($t = -2.93 - -2.02, p < 0.05, \eta^2 = 0.01$), но более низким уровне мотивации улучшения этой компетентности ($t = 3.66, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$). При этом навыки своих родителей под-

Таблица 1. Столкновение с онлайн-рисками: сопоставление ответов детей и их родителей

За последние 12 месяцев...	Родитель: да; ребенок: да	Родитель: да; ребенок: нет	Родитель: нет; ребенок: да	Родитель: нет, ребенок: нет	Сензитив- ность ответов родителей
Видел или переживал в Интернете что-либо такое, что каким-то образом обеспокоило	10.4%	10.0%	20.0%	59.6%	34.1%
Лично встречался с тем, с кем впервые познакомился в Интернете	12.1%	4.7%	32.6%	50.5%	27.1%
Видел в Интернете изображения сексуального характера	57.1%	5.5%	28.7%	8.7%	66.5%
Подвергал кого-либо оскорбительному или унижительному обращению в Интернете	3.3%	2.5%	26.0%	68.2%	11.2%
Просматривал или получал сообщения сексуального характера в Интернете	7.9%	11.8%	23.4%	56.9%	25.3%
Подвергался оскорбительному или унижительному обращению в Интернете	4.3%	7.6%	22.5%	65.6%	16.0%
Посещал веб-сайты, на которых говорят о способах доведения себя до анорексии или булимии	3.0%	3.4%	22.1%	71.5%	12.1%
Посещал веб-сайты, на которых размещают полные ненависти сообщения, направленные против отдельных групп или людей	5.6%	5.4%	21.2%	67.7%	21.0%
Компьютер “подцепил” вирус	36.3%	24.7%	12.3%	26.6%	74.7%
Кто-то воспользовался его/ее паролем для получения доступа к его/ее информации или для того, чтобы выдать себя за него/нее	5.7%	8.6%	11.7%	74.0%	33.0%
Посещал веб-сайты, на которых говорят о способах причинения себе физического вреда или боли	2.3%	3.6%	11.3%	82.8%	16.7%
Посещал веб-сайты, на которых люди обсуждают свой опыт употребления наркотиков	2.5%	3.1%	8.9%	85.5%	22.0%
Кто-либо использовал личную информацию о ребенке неподобающим (оскорбительным) образом	1.8%	7.3%	8.6%	82.2%	17.5%
Посещал веб-сайты, на которых говорят о способах совершения самоубийства	2.0%	3.1%	7.6%	87.2%	21.2%
Рассылал кому-либо еще сообщения сексуального характера в Интернете	0.2%	2.3%	3.8%	93.7%	4.5%
Ребенок потерял деньги в результате обмана в Интернете	2.3%	5.9%	3.6%	88.1%	38.9%

Рис. 1. Связь цифровой компетентности подростка с осведомленностью родителей о его столкновении с онлайн-рисками

ростки, скрывающие столкновение с онлайн-рисками, оценивают как более низкие ($t = 3.20$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.01$).

Общие и специфические факторы неосведомленности родителей в отношении конкретных онлайн-рисков

Чаще не сообщают родителям, что лично встречались с Интернет-знакомыми, дети, родители которых мало беспокоятся по поводу их поведения онлайн ($t = 2.06$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$), не разговаривают с ними о том, что они делают в Интернете и всегда разрешают самостоятельно скачивать музыку и фильмы из Интернета ($\chi^2 = 4.01$ – 6.81 , $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.10$ – 0.14). Сами дети в этом случае считают, что действия родителей слабо помогают или не помогают им пользоваться Интернетом ($\chi^2 = 6.12$, $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.14$).

Не говорят родителям о столкновении с сексуальными изображениями онлайн дети, родители которых не беспокоятся как по поводу их поведения онлайн, так и по поводу возможных опасных ситуаций ($t = 2.11$ – 2.75 , $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.03$), но больше запрещают детям в Интернете ($t = -2.03$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.02$), в частности, смотреть видео онлайн ($\chi^2 = 6.73$, $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.15$).

Дети, признающиеся в девиантном поведении, чаще скрывают от родителей, что подвергались кибербуллингу ($t = -2.37$, $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$). Стараются не сообщать об этом и дети, родители которых проверяют, каких друзей они добавляют в социальных сетях, и не поощряют к самостоятельному исследованию Интернета ($\chi^2 = 5.13$ – 8.27 , $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.09$ – 0.12).

Самое яркое различие между детьми, которые скрывают от родителей то, что подвергали дру-

гих кибербуллингу, и остальными детьми — то, что им всегда разрешают бесконтрольно пользоваться мессенджерами ($\chi^2 = 19.46$, $p < 0.01$, $Cramer's V = 0.18$). Каждый третий подросток в этом случае скрывает от родителей то, что оскорблял или обижал других через Интернет (рис. 2). Близкие, хотя и не столь яркие, результаты получены в отношении других правил об Интернете ($\chi^2 = 6.13$ – 14.54 , $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.10$ – 0.16). Также чаще не сообщают родителям об этом дети, больше времени проводящие онлайн, с признаками чрезмерного пользования Интернетом и девиантного поведения ($t = -5.97$ – -2.49 , $p < 0.05$, $\eta^2 = 0.01$ – 0.05). Как правило, это “потребители онлайн-контента”, несколько реже — “универсалы”; и такие дети предпочитают игнорировать то, что родители говорят им об Интернете ($\chi^2 = 7.14$ – 10.15 , $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.12$ – 0.13). При этом их родители реже используют стратегию запретов в отношении Интернета ($t = 2.92$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$) и программы родительского контроля, не разговаривают с ними о том, что они делают в Интернете, реже поощряют к самостоятельному исследованию Интернета и помогают, если что-то в Интернете расстраивает ребенка ($\chi^2 = 3.94$ – 9.76 , $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.08$ – 0.13).

Получение сообщений сексуального характера чаще скрывают от родителей дети с высокой пользовательской активностью, признаками чрезмерного пользования Интернетом, с признаками девиантного поведения: причем не только теми, которые признают сами, но и теми, которые замечают и о которых беспокоятся их родители ($t = -4.66$ – -2.20 , $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.02$ – 0.12). Обычно не рассказывают о получении сексуальных сообщений “универсалы”, чуть реже — “потребители онлайн-контента” ($\chi^2 = 8.31$, $p < 0.05$, $Cramer's V = 0.15$). Кроме того, такие дети склонны напрямую гово-

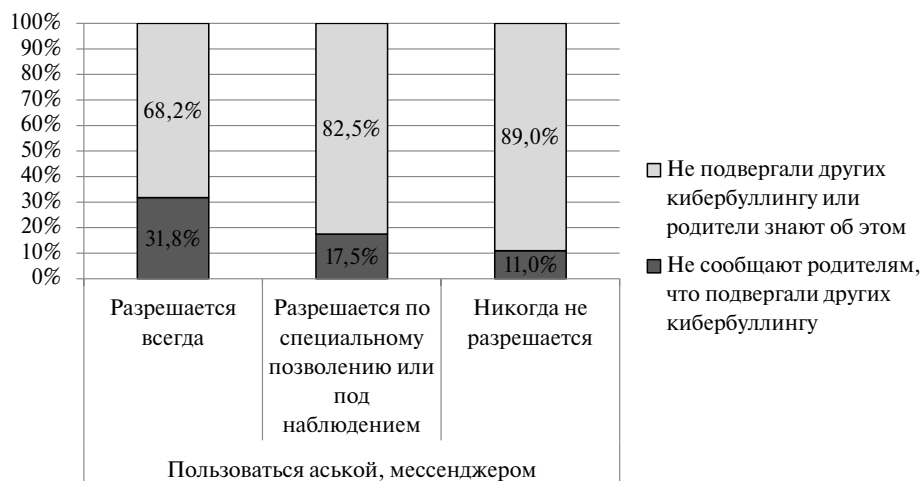

Рис. 2. Связь сообщения родителям о кибербуллинге в отношении других людей и родительского контроля за использованием мессенджерами

рять, что их родители не в курсе, что они делают в Интернете ($\chi^2 = 12.02, p < 0.01, \text{Cramer's } V = 0.17$).

Посещение веб-сайтов, описывающих способы причинения себе физического вреда или боли, скрывают дети, больше времени проводящие в Интернете, склонные к чрезмерному его использованию ($t = -4.86 - -2.82, p < 0.01, \eta^2 = 0.02-0.04$). Вероятность такого поведения выше у детей, которые уверены, что многое знают об Интернете, в особенности по сравнению с детьми, которые игнорируют то, что им говорят родители об Интернете и считают, что их родители не в курсе того, что они делают онлайн, не проверяют посещаемые веб-сайты ($\chi^2 = 4.01-13.28, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.10-0.20$). В семьях с уверенными в своей компетентности и игнорирующими родителями каждый четвертый-пятый ребенок не сообщает, что был на таких сайтах, а среди неуверенных — лишь один из десяти.

Сайты, посвященные способам чрезмерного похудения (приводящим к анорексии и булимии), посещают и не говорят об этом родителям чаще дети с признаками чрезмерного пользования Интернетом ($t = -3.97, p < 0.01, \eta^2 = 0.03$), а также те, чьи родители разрешают бесконтрольно скачивать видео и музыку ($\chi^2 = 6.78, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.12$).

О посещении сайтов с полными ненависти сообщениями против групп или индивидов не сообщают родителям дети, больше времени проводящие в Интернете, с признаками чрезмерного пользования и девиантного поведения ($t = -4.04 - -2.86, p < 0.01, \eta^2 = 0.02-0.03$). Чаще всего это “универсалы”, реже “потребители онлайн-контента”, игнорирующие то, что говорят им об Интернете, считающие, что знают об Интернете больше, чем их родители, а родители не в курсе того, что они делают онлайн, в особенности, что родители не проверяют, какие веб-сайты они посещают ($\chi^2 = 6.35-11.73, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.13-0.16$). Такие родители реже сидят с детьми, когда те пользуются Интернетом ($\chi^2 = 4.10, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.09$).

Не говорят родителям о том, что компьютер “подцепил” вирус, дети с признаками девиантного поведения ($t = -2.32, p < 0.05, \eta^2 = 0.01$), а также дети, родители которых не беспокоятся об их поведении онлайн, меньше объясняют им о деятельности в Интернете ($t = 2.31-3.50, p < 0.01, \eta^2 = 0.01$), считают себя более уверенными пользователями Интернета ($t = -2.13, p < 0.05, \eta^2 = 0.01$), а также не говорят, что они могли бы сделать, если что-то расстроило их в Интернете ($\chi^2 = 4.75, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.10$). Кроме того, такие дети (но не их родители) чаще говорят, что родители никогда не разрешают им скачивать музыку или файлы из Интернета, а также иметь личный профиль в сети ($\chi^2 = 6.64-8.75, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.11-0.13$).

О том, что кто-то использовал их личный пароль, не сообщают родителям дети с большей пользовательской активностью, признаками чрезмерного пользования Интернетом и девиантного поведения ($t = -4.31 - -2.19, p < 0.05, \eta^2 = 0.01-0.04$), которые считают, что их родители не в курсе того, что они делают онлайн, не занимаются с ними совместной деятельностью онлайн, не помогали в прошлом и не советовали, что делать, когда что-то онлайн расстраивало, и не проверяют, какие сайты они посещают и какие сообщения получают ($\chi^2 = 5.06-9.12, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.10-0.14$). Родители таких детей чаще не разговаривают с ними об их активности онлайн (и дети замечают это), не объясняют, почему некоторые сайты могут быть плохими, не дают советы о том, как вести себя с другими людьми онлайн ($\chi^2 = 4.01-8.46, p < 0.05, \text{Cramer's } V = 0.09-0.12$). Заметим, что эти результаты согласуются с данными о том, что раскрытие подростками личной информации онлайн связано с чрезмерным использованием Интернета и меньшей открытостью в обсуждении родителями и детьми Интернета [19].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Как показывают результаты двух популяционных исследований, родители часто пребывают в неведении относительно столкновения подростков с рисками и угрозами онлайн: это касается каждого пятого родителя по данным исследования онлайн-безопасности детей и каждого третьего по данным исследования цифровой компетентности. Поскольку расхождение во мнениях оценивалось разными способами, напрямую сопоставлять эти результаты нельзя, но возможно, что за три года, прошедшие между исследованиями, ситуация усугубилась. С практической точки зрения эти результаты означают, что родители не должны доверять собственному ощущению, что “все в порядке” или что “они бы заметили”. Особый интерес представляет отсутствие возрастных и гендерных различий в неосведомленности. Мы далеки от предположения, что 9-летний мальчик и 16-летняя девушка не различаются в мотивах и способах сокрытия от родителей информации о своей жизни онлайн. Скорее, на уровне популяционного взгляда эти детальные различия завуалированы яркими общими закономерностями: повсеместной широкой распространенностью феномена и его общеподростковых факторов, касающихся как общих трудностей в детско-родительских отношениях, так и специфических для мира онлайн круга деятельности и отношений. Дальнейшие исследования могут быть посвящены выявлению тех более тонких и детальных различий, которые скрыты за общим взглядом на ситуацию.

Намеренно заостряя картину, заметим, что один из четырех родителей, уверенных, что ничего страшного с его ребенком в Интернете не происходило, ошибается. Среди родителей, считающих, что их дети не видели сексуальных изображений онлайн, заблуждаются каждые три из четырех; среди родителей, полагающих, что их дети не встречались лично с онлайн-знакомыми — каждый третий. С теоретической точки зрения, на первый план выходит другой вопрос: в чем именно проявляется и чем вызвано такое расхождение между ответами детей и родителей?

Первое возможное объяснение (табл. 2) — *природа самих рисков*. Очевидно, что наиболее внимательными взрослым стоит быть в отношении тех рисков, инициатором которых выступает сам ребенок. В кибербуллинге в отношении других людей,

рассылке сексуальных сообщений, посещении веб-сайтов с негативным контентом (описание способов причинения себе физического вреда, самоубийства, доведения до анорексии и булимии) дети часто предпочитают не сознаваться, поскольку знают, что родители не одобряют их поведения. К этой же группе, хотя и в меньшей степени, относятся те риски, которые потенциально опасны с точки зрения взрослого, но притягательны для подростка: личные встречи с онлайн-знакомыми, получение сообщений сексуального характера. Злоупотребление личной информацией, кибербуллинг в отношении самого подростка — другая группа рисков, о которой родители часто не осведомлены, по всей видимости, из-за стыда и стеснения самого ребенка, особенно если он неосторожно

Таблица 2. Факторы неведения родителей о столкновении ребенка с онлайн-рисками

Ребенок сталкивался с онлайн-риском, о котором не знает родитель	Общие факторы: Пол, возраст, девиантное поведение и детско-родительские отношения	Особенности деятельности подростков и их представлений о помощи родителей онлайн	Особенности родительской медиации деятельности подростков онлайн
Видел или переживал в Интернете что-либо такое, что каким-то образом обеспокоило	• Чаще девочки, особенно 13–16 лет; • Больше признаков девиантного поведения	• 2010 г.: выше пользовательская активность. 2013 г.: нет связи с пользовательской активностью; • Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • 2013 г.: дети считают себя более уверенными пользователями и недооценивают вероятность столкнуться с онлайн-рисками; • 2013 г.: выше цифровая компетентность по компонентам знаний и навыков и в сфере коммуникации, ниже мотивация ее улучшения; • 2013 г.: дети считают, что родители не в курсе их онлайн-активности, не помогают в ней и лучше бы вообще не вмешивались, ниже оценивают навыки своих родителей онлайн	• Родители реже используют стратегию объяснений, в т.ч. реже поощряют к самостоятельному исследованию Интернета; • 2013 г.: Родители реже используют способы активной медиации и обучения, мониторинга и технического контроля
Скрывают большее число столкновений с онлайн-рисками	• Не зависит от пола и возраста; • Больше признаков девиантного поведения	• Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • Чаще “потребители”, несколько меньше — “универсалы”, минимальное количество — “ботаники”; • Дети игнорируют то, что родители говорят им об Интернете	• Родители не разговаривают с детьми о том, что они делают в Интернете; • Родители используют программное обеспечение для блокировки сайтов

Продолжение табл. 2

Ребенок сталкивался с онлайн-риском, о котором не знает родитель	Общие факторы: Пол, возраст, девиантное поведение и детско-родительские отношения	Особенности деятельности подростков и их представлений о помощи родителей онлайн	Особенности родительской медиации деятельности подростков онлайн
Лично встречался с тем, с кем впервые познакомился в Интернете	• Чаще старшие подростки, особенно девочки	• Дети считают, что родители не помогают им стать более продвинутыми пользователями	• Родители меньше беспокоятся о поведении детей онлайн; • Родители разрешают бесконтрольно скачивать музыку и фильмы
Видел в Интернете изображения сексуального характера	• Не зависит от пола и возраста; • Родители меньше беспокоятся о безопасности детей	• Связи не выявлено	• Родители меньше беспокоятся о поведении детей онлайн; • Родители чаще используют стратегию запретов и ограничений, в т.ч. запрещают смотреть видео онлайн
Просматривал или получал сообщения сексуального характера в Интернете	• Чаще старшие подростки, особенно мальчики; • Больше признаков девиантного поведения; • Родители беспокоятся о девиантном поведении детей	• Выше пользовательская активность; • Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • Чаще “универсалы”, несколько реже — “потребители”, реже всего — “ботаники”; • Родители не в курсе того, что дети делают онлайн	• Связи не выявлено
Подвергался оскорбительному или унижительному обращению в Интернете	• Не зависит от пола и возраста; • Больше признаков девиантного поведения	• Связи не выявлено	• Родители проверяют, каких друзей дети добавляют в социальных сетях • Родители реже поощряют к самостоятельному исследованию Интернета
Посещал веб-сайты, на которых говорят о способах доведения себя до анорексии или булимии	• Чаще девочки	• Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом	• Родители разрешают бесконтрольно скачивать музыку и фильмы
Посещал веб-сайты, на которых размещают полные ненависти сообщения, направленные против отдельных групп или людей	• Чаще старшие подростки; • Больше признаков девиантного поведения	• Выше пользовательская активность; • Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • Чаще “универсалы”, несколько реже — “потребители”, реже всего — “ботаники”; • Дети игнорируют то, что родители говорят им об Интернете; • Дети считают, что знают об Интернете больше, чем родители; • Родители не в курсе того, что дети делают онлайн	• Родители реже сидят с детьми, когда те пользуются Интернетом

Окончание табл. 2

Ребенок сталкивался с онлайн-риском, о котором не знает родитель	Общие факторы: Пол, возраст, девиантное поведение и детско-родительские отношения	Особенности деятельности подростков и их представлений о помощи родителей онлайн	Особенности родительской медиации деятельности подростков онлайн
Компьютер “подцепил” вирус	• Не зависит от пола и возраста; • Больше признаков девиантного поведения	Связи не выявлено	• Родители меньше беспокоятся о поведении детей онлайн; • Родители реже используют стратегию объяснений, в т.ч. не говорят, что ребенок может сделать, если его что-то расстроило онлайн
Кто-то воспользовался его/ее паролем для получения доступа к его/ее информации или для того, чтобы выдать себя за него/нее	• Не зависит от пола и возраста; • Больше признаков девиантного поведения	• Выше пользовательская активность; • Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • Родители не в курсе того, что дети делают онлайн	• Родители реже разговаривают с детьми о том, что они делают в Интернете, объясняют, почему сайты могут быть плохими, дают советы, как вести себя с другими людьми онлайн
Посещал веб-сайты, на которых говорят о способах причинения себе физического вреда или боли	• Не зависит от пола и возраста	• Выше пользовательская активность; • Больше признаков чрезмерного пользования Интернетом; • Дети игнорируют то, что родители говорят им об Интернете; • Дети считают, что многое знают об Интернете, особенно по сравнению с родителями; • Родители не в курсе того, что дети делают онлайн	Связи не выявлено

спровоцировал эти действия. Анализ обращений на Линию помощи показывает, что это те трудности, которые подолгу остаются неразрешенными и травматичными для подростков [12].

Второе объяснение: *общая склонность детей к риску и трудности в детско-родительских отношениях*. Дети, более склонные к девиантному поведению, действительно чаще скрывают от родителей то, что столкнулись с онлайн-рисками. При этом от нежелания детей обращаться к родителям в случае, если что-то их обеспокоило или расстроило, знание или незнание родителей об онлайн-рисках не зависит вовсе. С нашей точки зрения, маловероятно, что открытость в общении в семье никак не сказывается на открытости в случае онлайн-рисков; скорее единичный вопрос об этом, включенный в исследование 2010 года, оказался недостаточно чувствительным.

Третье объяснение: *особенности деятельности детей онлайн или детско-родительских отношений по поводу Интернета*. Случаи незнания часто связаны

с чрезмерным использованием Интернетом: говоря метафорически, “тайные” проблемы ребенка в Интернете нарастают, если Интернет сам становится проблемой. Связь неведения родителей с цифровой компетентностью детей также закономерна: действительная или иллюзорная компетентность способствует большей активности и придает уверенность в своих возможностях [9]. В пользу этого предположения свидетельствует то, что чаще пребывают в неведении родители, дети которых более уверены в своих пользовательских навыках и недооценивают онлайн-риски. Кроме того, сокрытие ряда рисков (получения сексуальных сообщений, посещения сайтов с ненавистническим контентом, кибербуллинга в отношении других) сопряжено с более широким кругом деятельности в Интернете. Интересно, что в отношении цифровой компетентности выявлен специфический паттерн: такие дети характеризуются более высоким уровнем знаний и навыков, преимущественно в сфере коммуникации, но более низким уровнем мотивации к дальней-

шему развитию. Эти данные согласуются с полученными ранее результатами о тесной связи мотивации с участием взрослых в освоении Интернета [10]. Стагнация, непонимание и нежелание развиваться опасно как недооценкой риска и готовностью попадать в рискованные ситуации, так и непониманием, чем может помочь обращение ко взрослым.

Для родителей детей, не афиширующих столкновение с онлайн-рисками, характерно более редкое использование объяснений, причем часто родители просто не разговаривают с детьми об их деятельности онлайн. Дети, как бы в ответ на это, чаще игнорируют то, что родители говорят об Интернете, считают, что родители не помогают им и лучше бы не вмешивались. По данным 2013 года, недостаток мониторинга и технического контроля тоже может быть фактором риска. Роль запретов и ограничений неоднозначна: они сопряжены с большим риском неведения родителей в отношении распространенных рисков (столкновения с сексуальными изображениями), но с меньшим риском в отношении личных встреч с Интернет-знакомыми, кибербуллинга в отношении других, посещения сайтов, пропагандирующем чрезмерное похудение. Можно предполагать, что правила способствуют более ответственному поведению подростков онлайн, хотя могут порой побуждать скрывать то, что они видели нечто, могущее вызвать родительское недовольство.

Таким образом, более 20% родителей пребывает в неведении о том, что их ребенок столкнулся в Интернете с чем-то, что обеспокоило его. Вероятность того, что ребенок столкнулся с онлайн-рисками и скрывает это, выше при проявлениях у него девиантного поведения, но не связана с представлениями и беспокойством родителей по поводу этого поведения. К числу специфических для Интернета факторов неведения родителей относятся: чрезмерное пользование Интернетом, большая уверенность детей, более высокий уровень знаний и навыков в Интернете, особенно в сфере общения, при низкой мотивации ее улучшения и более широкий круг их онлайн-активностей. Вероятность сокрытия от родителей большинства рисков выше, если родители меньше объясняют и участвуют в деятельности ребенка онлайн, особенно, если не разговаривают с ним об Интернете. Запреты и ограничения, по всей видимости, способствуют более ответственному поведению подростков (снижая вероятность неведения родителей о личных встречах с онлайн-знакомыми, кибербуллинге в отношении других), но могут провоцировать утаивание распространенных рисков, таких как просмотр сексуальных изображений.

В заключение заметим, что данное исследование было направлено на общую характеристику феномена неосведомленности родителей об он-

лайн-деятельности подростков. Как следствие, в тени остались важные вопросы о том, *от кого* склонны подростки скрывать разные моменты, а с кем более откровенны: вопросы о профессии, личностных особенностях, возрасте — и рассматривались лишь особенности родительской медиации. Именно в этом направлении возможно одно из дальнейших содержательных исследований феномена неосведомленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 8. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html> (дата обращения 26.06.2018).
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
3. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито-Центр, 2009.
4. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федункина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
5. Выготский Л.С. Педология подростка: Проблема возраста // Полн. собр. соч. в 6 т. Т. 4 / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 224–269.
6. Головей Л.А., Василенко В.Е., Савеньшева С.С., Энгельгардт Е.Е. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений “родитель—ребенок”: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.
7. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка (структура, динамика, принципы коррекции): Дисс. ... доктора психол. наук. Москва, 2002.
8. Леонтьев А.Н. К теории развития психики ребенка // Избр. психол. произведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 509–518.
9. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013.
10. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Мотивация в структуре цифровой компетентности российских подростков // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 1. № 25. С. 3–14.
11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Роль родителей в повышении безопасности ребенка в Интернете: классификация и сопоставительный анализ // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 3–14.

12. Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи “Дети онлайн” // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 3. С. 50–66.
13. Bronfenbrenner U. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development / Ed. by U. Bronfenbrenner. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2004.
14. Elsaesser C., Russell B., Ohannessian C. M., Patton D. Parenting in a digital age: A review of parents’ role in preventing adolescent cyberbullying // Aggression & violent behavior. 2017. V. 35. P. 62–72.
15. Henson R.K. Effect-size measures and meta-analytic thinking in counseling psychology research // The counseling psychologist. 2006. V. 34. № 5. P. 601–629.
16. How technology changes everything (and nothing) in psychology: 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // American psychologist. 2009. V. 64. № 5. P. 454–463.
17. Johnson G., Ptoplumpu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // Canadian journal of learning and technology. 2008. V. 34. P. 19–28.
18. Livingstone S., Haddon L., Görzig A., Ólafsson K. Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online, 2011.
19. Shin W., Kang H. Adolescents’ privacy concerns and information disclosure online: The role of parents and the Internet // Computers in human behavior. 2016. V. 54. P. 114–123.
20. Shin W., Lwin M.O. How does “talking about the Internet with others” affect teenagers’ experience of online risks? The role of active mediation by parents, peers, and school teachers // New media & society. 2017. V. 19. № 7. P. 1109–1126.
21. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Geer M., Roggendorf P. Russian Kids Online Key findings of the EU Kids Online II survey in Russia // Moscow: Foundation for Internet Development, 2013. URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/ParticipatingCountries/PDFs/RU-RussianReport.pdf> (дата обращения 26.06.2018).
22. Srivastava L. Mobile phones and the evolution of social behavior // Behavior and inform. technology. 2005. V. 24. № 2. P. 111–129.
23. Symons K., Ponnet K., Emmery K., Walrave M., Heirman W. Parental knowledge of adolescents’ online content and contact risks // Journal of youth and adolescence. 2017. V. 46. № 2. P. 401–416.

PARENTAL UNAWARENESS ABOUT ONLINE RISKS IN ADOLESCENCE: PREVALENCE AND PSYCHOLOGICAL FACTORS¹

G.U. Soldatova^{1,*}, E.I. Rasskazova^{1,2,**}

¹ Moscow State University; 125009, Moscow, Mokhovaja street, 11/9, Russia.

² Mental Health Research Center; 115522, Moscow, Kashirskoje shosse, 34, Russia.

* Sc. D. (psychology), professor of personality psychology department. E-mail: soldatova.galina@gmail.com

** Ph. D. (psychology), associate professor of clinical psychology department, senior researcher of medical psychology department. E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Received 30.09.2017

Abstract. One of the key reasons for the collision of adolescents with online risks and subsequent difficulties is the lack of prevention and assistance from adults in time. The paper is devoted to identifying of psychological factors (strategies of parental mediation, online activities and adolescents’ beliefs) associated with parental unawareness about the collision of their children with online risks. Based on the analysis of data from two Russian population-based studies (1.025 pairs “parent–child of 9–16 years”; 1.203 adolescents 12–17 years and 1.209 parents of children of these ages) we demonstrate that more than 20% of parents are unaware that their child worried about something he or she saw in the Internet. Three groups of factors of unawareness are considered. First, the nature of the risks: more often parents are not aware of the problems that the children themselves initiated (cyberbullying against others, personal meetings with online acquaintances) or that are associated with shame or embarrassment (cyberbullying against the child, receiving sexual messages). Secondly, the general factors include signs of deviant behavior in adolescents (but not parents’ concerns about deviant behavior or the safety of their children). Third, specific factors include: excessive use of the Internet, greater confidence of children, higher level of knowledge and skills on the Internet, especially in the sphere of communication accompanied by low motivation for its improvement and a wider range of their online activities. The likelihood of parental unawareness is higher if the parents explain less and participate less in

¹ Research is supported by Russian Foundation for Basic Research, project 17-06-00762.

the child's online activities, especially – do not talk to him about the Internet. Prohibitions and restrictions may contribute to more responsible behavior of adolescents (reducing the probability of parental unawareness about child's meetings with online friends, cyberbullying against others), but can provoke the concealment of common risks (viewing sexual images).

Keywords. Online risks, adolescents, parental unawareness, online activity, parental mediation, Russian Kids Online, digital competence

REFERENCES

1. Ayanyan A.N., Martsinkovskaya T.D. Sotsializatsiya podrostkov v informatsionnom prostranstve // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. V. 9. № 46. P. 8. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html> (data obrascheniya 26.06.2018). (In Russian)
2. Bozhovich L.I. Izbrannye psikhologicheskie trudy: Problemy formirovaniya lichnosti / Pod red. D.I. Fel'dshteina. M.: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. (In Russian)
3. Varga A. Ya. Vvedenie v sistemnyuyu semeinuyu psikhoterapiyu. Moscow: Kogito-Tsentr, 2009. (In Russian)
4. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N. Yu. Al'ternativnaya identichnost' v sotsial'nykh setyakh // Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya. 2013. № 1. P. 66–83. (In Russian)
5. Vygot'skii L.S. Pedologiya podrostka: Problema vozrasta // Poln. sobr. soch. v 6 t. T. 4 / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M.: Pedagogika, 1984. P. 224–269. (In Russian)
6. Golovei L.A., Vasilenko V.E., Savenysheva S.S., Engel'gardt E.E. K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatii v sisteme otnoshenii "roditel'–rebenok": teoreticheskii i empiricheskii aspekty // Vestnik SPbGU. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. 2014. № 2. P. 84–95. (In Russian)
7. Karabanova O.A. Sotsial'naya situatsiya razvitiya rebenka (struktura, dinamika, printsipy korrektsii): Dis. ... doktora psikh. nauk. Moskva, 2002. (In Russian)
8. Leont'ev A.N. K teorii razvitiya psikhiki rebenka // Izbr. psikh. proizvedeniya. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. P. 509–518. (In Russian)
9. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E. Yu. Tsifrovaya kompetentnost' rossiiskikh podrostkov i roditelei: rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013. (In Russian)
10. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Motivatsiya v strukture tsifrovoi kompetentnosti rossiiskikh podrostkov // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 1. № 25. P. 3–14. (In Russian)
11. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Rol' roditelei v povyshenii bezopasnosti rebenka v internete: klassifikatsiya i sopostavitel'nyi analiz // Voprosy psikhologii. 2013. № 2. P. 3–14. (In Russian)
12. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N., Zhurina M.A. Evolyutsiya onlain-riskov: itogi pyatiletnei raboty linii pomoshchi "Deti onlain" // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2015. V. 23. № 3. P. 50–66. (In Russian)
13. Bronfenbrenner U. Making human beings human: Bio-ecological perspectives on human development / Ed. by U. Bronfenbrenner. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2004.
14. Elsaesser C., Russell B., Ohannessian C.M., Patton D. Parenting in a digital age: A review of parents' role in preventing adolescent cyberbullying // Aggression & violent behavior. 2017. V. 35. P. 62–72.
15. Henson R.K. Effect-size measures and meta-analytic thinking in counseling psychology research // The counseling psychologist. 2006. V. 34. № 5. P. 601–629.
16. How technology changes everything (and nothing) in psychology: 2008 annual report of the APA Policy and Planning Board // American psychologist. 2009. V. 64. № 5. P. 454–463.
17. Johnson G., Ptoplumpu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // Canadian journal of learning and technology. 2008. V. 34. P. 19–28.
18. Livingstone S., Haddon L., Görzig A., Ólafsson K. Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online, 2011.
19. Shin W., Kang H. Adolescents' privacy concerns and information disclosure online: The role of parents and the Internet // Computers in human behavior. 2016. V. 54. P. 114–123.
20. Shin W., Lwin M.O. How does "talking about the Internet with others" affect teenagers' experience of online risks? The role of active mediation by parents, peers, and school teachers // New media & society. 2017. V. 19. № 7. P. 1109–1126.
21. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Geer M., Roggendorf P. Russian Kids Online Key findings of the EU Kids Online II survey in Russia // Moscow: Foundation for Internet Development, 2013. URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/ParticipatingCountries/PDFs/RU-RussianReport.pdf> (data obrascheniya 26.06.2018)
22. Srivastava L. Mobile phones and the evolution of social behavior // Behavior and inform. technology. 2005. V. 24. № 2. P. 111–129.
23. Symons K., Ponnet K., Emmerly K., Walrave M., Heirman W. Parental knowledge of adolescents' online content and contact risks // Journal of youth and adolescence. 2017. V. 46. № 2. P. 401–416.